

Владимир Иванович Даль

Невеста с площади

Владимир Иванович Даль

Невеста с площади

Едва ли кто у нас не слышал о народном поверье: что берут или что можно брать невесту *из-под кнута*. Так выражается простой народ в рассказах своих об этом странном деле, тем более странном, что нет и не бывало закона, который бы допускал самую возможность этого мнимого обычая, а между тем народ во всей России верит в него и пересказывает сохранившиеся о том предания. Вот одно из них: оно, как и все подобные ему, основано на укоренившемся мнении, что если явится человек, который в самую минуту торговой казни преступницы объявит гласно желание покрыть вину ее, то есть обвенчаться с нею и взять ее на свой ответ, то казнь немедленно отменяется, и невесту вместе с посланным ей судьбою суженым везут прямо к венцу. Не могло ли быть подобного, освященного одним обычаем дела в старину, когда правительственный и общественный порядок основывался более на обычаях, чем на писанных законах?-- Вот что, между прочим, об этом говорит предание.

В одной из средних губерний наших, в хорошем селе, жил не бедный крестьянин, се-

мьянин, и между прочим была у него дочь Дарья. Девушка эта смолоду показывала в нраве своем много особенного, чего ни родители ее, ни другие приближенные не умели да и, конечно, не старались понять, и даже впоследствии не могли хорошенько объяснить. Иные называли ее упрямою, даже злою, тогда как другие говорили, будто она к доброму человеку так добра, что и меры нет, но что сердце ее не терпит никакой обиды или неправды, а что зла бывала она разве тогда только, когда подводили ее под напраслину, которой она не терпела. Она, как уверяли, была жалостлива и послушна, если ее не раздражали грубою бранью, клеветом или несправедливым и непосильным требованием. Но когда она выросла и, как говорится, заневестилась, то все это вскоре было забыто, а добрая слава о Дарье ходила по всему околотку. Она была черноволоса и черноглаза, очень бела для крестьянки, росла и статна; черты лица ее были чрезвычайно живы и выразительны, и здравый прямой ум свой она получила прозвание *козырь-девки*. Она также известна была самою работающею девкою в селе: дело у

нее под руками не только кипело, но и горело; она всегда бралась за него со смехом, шутками и песнями; но если, по временам, на Дарью находила хандра по поводу какой-нибудь обиды или неправды, то она замолкала на целую неделю и не прежде делалась опять тою же веселою певицей, как высказав обидчику своему всю правду в глаза и сказав, не выжидая ответа: "Бог с тобой".

Естественно, что за такую девкой ухаживало много парней; говорят, что, когда однажды двое из них поссорились из-за нее и чуть было не подрались, то она закричала им: "Чура не драться, дураки: лучше подите сюда, так я сама, из своих рук поколочу вас обоих да и погоню коромыслом со двора!" Говорят тоже, что Дарья была благосклоннее, чем ко всем прочим поклонникам своим, к бедняку, к сироте парню, который жил в селе в работниках; но само самую разумеется, что парень этот был не дружка и не ровня Дарье, которая не смела и думать о таком женихе; нашелся другой, по нутру отцу ее, по нраву матери -- сын земского волостного писаря, молодой щеголь, видный собою и с наживным достатком,

но поведения ненадежного. Отец, хоть и сам хмельной, не раз колачивал его, по возвращении из города с погулу, приговаривая: "Хоть и валентир, да не ходи в трахтир, не играй в беляндрай, не испивай горячих шпунтов".

Жених этот Дарье не нравился: она отпрашивалась долго у отца и матери и называла жениха в глаза нахалом за то, что он не хотел от нее отстать; но, наконец, должна была согласиться и выйти за него, потому что в подобных случаях дело решают старики, которые больше нашего знают. Главным доводом родителей было то, что и мать Дарьи в свое время не хотела идти за отца ее, а после вышла, да вот, благодаря богу, и живут. Сыграли свадьбу, на которой подружки Дарьи не шутя плакали и причитали по невесте, то есть не для одного обыка и приличия, а потому что жалели ее, и до трех раз принимались петь: "Утопили же твою головушку да за водопьяницей", -- так что наконец отец невесты, окрысившись, прикрикнул на них: "Да ну вас и с этою песнею, на свою б голову вам ее!" -- и тем заставил их замолчать. Расплели Дарьюшкину черную косу -- все девушки плака-

ли; не плакала только одна она, а что думала она, не знаю. Об этом на селе было много пересудов; иные говорили, что она не плакала от злости, другие, что охотно шла за сына земского и только притворялась.

Вскоре, однако, люди заговорили, что Аксенка с Дарьей живут не совсем ладно; иные винили его, говоря, что он и прежде был непутный человек; другие обвиняли ее, уверяя, что она ухватом да помелом весь дом завоевала и что Аксенке от нее житья нет. Умнейшие говорили просто, что они оба друг для друга не годятся, что на эту бабенку надо бы не такого кислого мужика, каков Аксен, а ей бы нужно такого, которого б она любила. Словом, когда дело было сделано, тогда только стали догадываться, что напрасно их перевенчали. И те же самые соседи, которые прежде говорили отцу Дарьи, на жалобу его, что она не хочет за Аксена: "Да чего тебе на нее смотреть? что она знает?-- вот нашел толк, девку спрашивать!" -- те же самые соседи говорили теперь: "Эхма, напрасно поторопился старик: девка еще молода -- да и девка-то еще какая! этакая не засидится небось!"

Ну, пусть бы еще пожила себе на воле, чай не объела бы тебя, ведь она у тебя двух работниц стоила; пусть обрыкалась бы маленько -- она бы своего нашла!"

Дарья забеременела, и тут опять вместо того, чтобы этому обстоятельству примирить и сблизить более молодых, оно, напротив, послужило к новым ссорам и к ссорам такого рода, которые разве только в самом черством быту могут прощаться или забываться, а во всяком человеке с нравственным чувством не допускают даже и мировой. Аксенка, который стал опять слоняться и попивать, не знаю с чего, стал придираться к жене своей и попрекать теперь тем бобылем, о котором выше было упомянуто. Он стал ревновать ее и, по обычаю этих людей, бранился с нею за это вслух, не заботясь о случайных свидетелях. Дарья отвечала на это с горьким презрением, что он пьяный дурак и сам не знает, что врет, что никому не доводилось и прикоснуться к ней, да и ему дураку, хоть бы и мужу, в жизнь свою также не видать ее как бы ушей своих, если бы отец не потерял бы за ним головы ее. Тогда Аксенка по заведенному обычаю хотел

побить жену, но при первой угрозе к тому Дарья оцетинилась таким решительным негодованием, что он струсил и по совету товарищей напился еще более для отваги. Сделав это, он подступил к Дарье, как ему казалось, с геройскою смелостью и решимостью, но оказалось, что он, как говорится, и лыком не вяжет; с невнятной бранью дополз он до нее на растопырках, а ему казалось, что несся он соколом выше лесу стоячего, ниже облака ходячего! Дарье не стоило большого труда уложить его под лавку на солому, приготовленную для гусей, и заложить его там доской, в которой были только небольшие прорезы для гусятных шей. Там проспал Аксенка до утра, очень испугался, очнувшись утром в гробу, стыдился рассказать о приключении своим товарищам и на несколько времени присмирел.

Дарья родила сына. Бабки и кумушки едва не замучили бедную родильницу, парили и мыли ее, трепали и катали, а, наконец, привели из жаркой бани и уложили в избе. Так как это не мужское дело, то Аксен и не принимал в нем никакого участия, но счел, впрочем,

долгом напиться от радости и пойти с поздравлением к тестю и теще. Прошло дня три; крепкое сложение молодой и здоровой женщины взяло верх, и она была уже в избе своей на ногах. Муж встал со светом и пошел на работу: Дарья еще спала. На нее как-то напал такой непробудный сон, что она, проснувшись наконец довольно поздно, насилу опомнилась и сама тому дивилась. Первым движением ее было ощупать около себя ребенка -- он был тут, но лежал поперек под нею: ее вдруг будто обдало льдом; она вскочила, схватила его в руки -- он уже остывал; живой теплоты в нем уже не было. Она его *заспала*.

Дарья резко взвизгнула; черные глаза ее дико сверкнули, она припала к ребенку и долго, долго старалась отогреть его дыханием; вдруг остановилась, приподнялась; опять ощупала его руками, опять дико вскрикнула и вдруг облила его целым потоком горячих слез. Люди сошлись понемногу, соседи и соседки прибежали; но пора была страдная, народ большею частью на работе, дома оставались старые да малые. Дарья стояла вытянувшись во весь рост, в углу подле кутника, при-

жимала мертвого младенца к груди своей и, не шевелясь, поводила только кругом черными, блестящими, но будто безумными глазами. Старики и в особенности старухи входили, рассуждали вслух, кричали и горланили, подходили по несколько раз к несчастной матери, осматривали ребенка и заверяли, что он уже не живой. Одна говорила: "Экая ты какая, Дарьюшка, да ты бы вот то и то, да ребенка-то клала бы подальше от себя, к краю, не то бы повыше, в головы, вот подико-сь, я покажу"... другая извиняла ее тем, что это у нее был первенький и дело непривычное, третья полагала, что "видно де, Дарьюшка, голубушка моя, больно крепко уснула" -- и прочее. Тут же припоминались и рассказывались все подходящие к делу бывшие и небывалые случаи со всеми подробностями. Натолковавшись досыта, послали наконец за родителями Дарьи, там за теткой, но всех их не было дома, тогда послали двух ребятишек в поле звать домой мужа ее, а как затем несчастная мать все еще стояла, бледная, как стена, на том же месте, крепко прижимала младенца и не давала его никому, несмотря на все убеждения и завере-

ния, что пора де его обмыть и прибрать, то старушки расселись по лавкам и начали толковать нараспев о том, что Богдашка этот -- как называют всякого младенца до крестин -- не крещен на беду и что нельзя его хоронить на святой земле, на кладбище, а надо хоронить без попа и за оградой; что матери не видать его и на том свете, что это еще и не человек и бог не вложил в него душу, потому де в нем нет еще ни креста, ни печати дара духа святого и проч. Вследствие такого рассуждения бабушки и поспешили тотчас же зажать рот одной бестолковой, выжившей из ума старухе, плакальщице по призванию, которая, услышав, что в избе Аксенки есть покойничек, прибежала бегом, впритрусочку, с другого конца села и начала было выть и причитать: "Ах ты светик, голубчик ты мой! о и кто ж меня будет любить, а кто жаловать, поить, кормить! на кого ж ты покинул меня?" и проч. Старуха замолчала, струсив в недоумении: "А что, нешто не надо?" -- и не совсем поняв, в чем дело, потому что была очень туга на ухо (а объяснения, что де не покойничек, а Богдашка, и что по нем ни плачу, ни причита-

ния не бывает, оглушили ее кругом, со всех сторон),— замолчала, покачала головой и начала про себя креститься и молиться.

Мало-помалу изба стала очищаться от мусора, и незваные посетительницы частью разбрелись, а частью сели подгорюнясь за воротами и стали потешать друг друга рассказами. Дарья, оставшись одна, в тишине, после этого оглушительного шума, вдруг пришла в какое-то беспокойство и судорожную деятельность: лицо ее разгорелось, глаза опять засверкали; она стала тихо оглядываться, не отымая трупа младенца от груди своей, она тихо подкралась к столу и ухватила большой хлебный нож; казалось по всему, что она, в бессознательном отчаянии своем, хотела наложить на себя руку: она пробовала пальцем, остер ли нож, потом опять осторожно оглядывалась, прислушивалась к голосу старух под окнами и наконец опустила руку и загляделась на мертвое лицо своего младенца. В этом положении стояла она еще, когда услышала на улице громкий говор и шум: это шел с поля Аксен, и старухи встретили его дружным хором, соболезнуя и рассказывая,

что и как случилось. Одна баба даже уцепилась за него и тащила за ним в избу, приговаривая: "Ты не бей ее, родной, не бей; смотри, грешно будет: ведь она нехотя, божья судьба, божья воля!"

Аксен вошел, а за ним толпой соседи и соседки. Дарья, услышав шум этот, вздрогнула и отвела руку с ножом за себя, за спину, будто хотела его спрятать. Аксен подошел к ней довольно спокойно и равнодушно, взглянул на труп младенца, а потом на Дарью и, отворачиваясь, сказал: "Что ж, одним выродком меньше на селе".

Едва проговорив это, он дико вскрикнул и упал ничком. Люди подскочили -- у Аксена все лицо обдало кровью, и сам он хрипло дышит. Стали его приподымать, и тогда только с ужасом увидели, что у него в шее торчал большой нож, воткнутый в тело по самый череп. Никто не видал почти, как это сделалось; едва только тот или другой из бывших в избе стариков и старух заметили какое-то быстрое движение руки Дарьи, будто она оттолкнула от себя мужа или ударила его наотмашь.

Крик ужаса раздался в избе Аксена, потом

на улице и вскоре, завывая разными голосами, разнесся по всему селу и по полям. "Дарья зарезала мужа!" -- кричали встречные друг другу через улицу, через дворы, загороды и коноплянники -- и когда несчастный Аксен через четверть часа точно отдал богу душу, то уже более никто не думал унимать глухую старуху, знаменитую плакальщицу, которая расселась на каком-то обрубке, расположилась по должности своей, как дома, всплескивала руками и заливалась причитаньями, которых, разумеется, никто не слушал.

Дарью заковали; следствие, а затем и суд пошли своим путем, и дело окончено было довольно скоро, потому что оно было довольно просто: все показания свидетелей и самой преступницы были согласны и ни в чем не разнословили. Дарья отвечала только, что не ясно помнит, как это случилось, но помнит, что сделала это вышед из себя, когда Аксен при людях бранно обозвал младенца и навел такой клёп на нее, ни в чем перед ним невиновную; что упрек этот она с трудом переносила прежде, а теперь была в беспомыслии и только смутно вспоминает, что случилось. Яков,

призванный также для допроса, сильно плакал, ломал руки и приводил бога в свидетели, что ни он, ни Дарья не были причастны греху и что Аксенка бог вестъ с чего взводил на бедную Дарью такую напраслину.

Как бы то ни было, а Дарья, как уличенная и во всем признавшаяся убийца, приговорена была к торговой казни. Пришел назначенный день, и все приготовления были сделаны на площади губернского города, где на этот раз по поводу Покровской ярмарки собралось много народу. Не станем описывать всех подробностей тогдашнего порядка исполнения подобных приговоров; они довольно известны, а кто бы и не знал их, тот, конечно, ничего от этого не теряет. Когда преступница была приведена, то соболезнование и ужас обнял несметную толпу: это была рослая, статная красавица, на 21-м году жизни своей, прекрасная собой, несмотря на все перенесенные и еще ожидаемые ею страдания, в приемах ее не было ни трусости, ни следа киченья или наглости: она вполне предалась судьбе своей, и, кроме обнаруживавшегося по временам страха, один только стыд позора и глубокое,

хотя и позднее, раскаяние потупляли глаза ее в землю. Слышно было, что она много и долго молилась, во всем каялась и винилась и ничего не говорила в свое оправдание.

Мертвое молчание установилось, когда после барабанного боя стали вслух читать приговор. В числе присутствовавших тысяч, конечно, не было ни одной души, не знавшей более или менее всех обстоятельств происшествия,— которые впрочем и не помещаются в подробности в приговоре,— но казалось, каждый хотел услышать все, до последнего словечка, что до этого случая относилось, и, может быть, найти в свое утешение какое-нибудь обстоятельство, облегчающее несколько совесть преступницы.

Лишь только приговор был прочтен и несчастная передавалась в руки палача, как с двух противоположных сторон круга выступили из толпы два человека, один в самой бедной крестьянской одежде, с лицом, едва только опущенным бородкой, бледный, сильно расстроенный под пытку страха и боязни — другой в щегольской, тонкой синей сибирке, в шелковом поясе, с пуховой шляпой в ру-

ке, с лицом молодым и цветущим; первый бросился было торопливо вперед к окружающим, по обязанности своей, преступницу и пробился к ней; но, встретив здесь второго, который уже предупредил его и раскланивался с властями, бедный бобыль Яков остановился в недоумении и страхе. Он услышал ясно, что молодой парень в сибирке, поклонившись, сказал: "Ради Христа и вечного спасения нашего, помилуйте: я согласен взять ее за себя". Яков перекрестился несколько раз, засмеялся и сильно заплакал в одно и то же время и проговорил вслух: "Да, вон оно что, видишь",-- и отступил опять несколько назад, так что его даже мало кто и заметил. Дарья ничего не видела, не слышала: она стояла как и прежде не шевелясь, не подымая глаз.

Это нечаянное вмешательство неизвестного молодого парня всех поразило: народ стоял разинув рот -- и если б в это время пролетела муха, то ее было бы слышно. Первое слово затем послышалось вполголоса: "Вот и мне на веку пришлось выдавать невесту! Бери, божий человек, не бойся, не пожалеешь!" Парня в сибирке спросили, что ему нужно? Он по-

вторил громко и ясно то же: "Ради Христа и вечного спасения нашего, помилуйте: я согласен взять за себя несчастную". Тогда толпа зашевелилась, как море, и говоры, крик радости и молитвы огласили воздух. Ни одной шапки не осталось на голове: все крестились.

Скажем теперь слово о молодом парне, который стоял в пяти шагах от Дарьи, не бледный, не расстроенный, не отчаянный, а спокойный и веселый в ожидании решения, но по-видимому и с уверенностью успеха. Это был сын богатого торгового крестьянина из соседнего посада. Отец и мать его, заботясь о нем, как бы никогда не должно заботиться родителям, окончательно порешили женить его на мещанской дочери, которая нравилась им по разным расчетам и соображениям, но которая до того ненавистна была сыну их Терентию, что он почти готов был от нее утопиться. Он прислан был отцом по торговым делам на ярмарку и, слышав уже прежде о происшествии, которое наделало столько шума во всей губернии, теперь вдруг вовсе нечаянно он поставлен был лицом к лицу с прекрасною преступницей. Мысль, как молния,

сверкнула в решительной голове его. "Что, как бы мне взять за себя из-под кнута эту молодую женщину, неужто она не была бы мне верной и покорной женою по гроб, неужто она не стала бы меня -- ну, хоть любить не любить, а почаще взглядывать?-- а дело-то, чай, сотворил бы божеское -- ведь вон она бедная какая, погляди! такие ли бывают злодеи? Бес с рукою поспешил, когда боль скорби и оскорбления затмили рассудок ее, а она греху этому не причастна. Неужто ненавистная губительница моя стоит ее? А той мне не миновать... Обвенчавшись с честным молодцом, и Дарья честна станет, я никому не дам ее упрекнуть; уйду с нею; бог с ним, с отцом, пусть деньги при нем будут, я за ними не погонюсь..." Эта мысль в один миг так одолела его, что он уже не мог от нее отбиться; как бы за ведомым, решенным делом, пробивался он вслед за преступницею вперед... Чем более он взглядывал на нее, тем менее мог он решиться отвести глаз... Когда же настала роковая минута, которую он знал по народным преданиям, как помнил и переданные ему в детстве слова, какие принято говорить при сем

случае перед властями,— когда пришло мгновение это, то в нем вдруг занялся дух; он смело выступил вперед и, объявив намерение свое, опять вздохнул свободно, будто свалил с плеч целую гору...

Осведомились, кто он, откуда, не женат ли, не родня ли преступнице; Терентий тотчас же отыскал и вызвал свидетелей, сделавших удовлетворительное показание. Начальство подумало и сказала: "С богом, коли так; судьбы своей и божьей воли никому не миновать". Палач, как говорит это предание, не прикоснувшись к помилованной таким необычайным случаем преступнице, должен был, однако же, в назидание народу, дать один удар кнутом по кобыле, приговаривая к этому: "Кошуйтесь, детки, кошуйтесь, молитесь богу за несчастных!" Он положил на кобылу лубок, разошелся, рассек его одним ударом пополам, так что две половинки развалились врознь -- и этим все обязанности заплечного мастера кончились.

С места, как стояли они, повели нечаянных молодых к венцу. Дарья во все время ни разу не подымала глаз и не видела ни жениха

своего, ни мужа. Она, кажется, еще не совсем понимала, что с нею делалось. Терентий на нее поглядывал, улыбался и молчал. Народ радостно шумел и мчался волной вслед за небывалыми молодыми, провожая их сперва в церковь, а потом из церкви, если не домой, то по крайней мере до самой городской заставы. Многие начинали им бросать деньги, но Терентий, снимая шляпу и ласково раскланиваясь, благодарил и отказывался, отдавая деньги нищим. Один наезжий купец до того расходился среди общего восторга, что задал народу пир, обделив всех калачами, и кричал "ура" до силости и изнеможения.

Терентий приехал в город на своей телеге, и на ней он выехал с молодой женой из города. Она все еще не подымала глаз и не говорила с ним ни слова. Когда они остались наконец одни в чистом поле, то он, остановив лошадь, сказал: "Что ж, Дарьюшка, подай руку -- будем жить, что ли?" Она бросилась к нему в ноги, обняла их и теперь только после долгого и нестерпимого томления залилась слезами.

Терентий поднял ее насильно: "Надо ста-

рое позабыть,— сказал он,— надо жить нам снова, вот будто мы с тобой сегодня только на свет народились... А куда же мы пойдём теперь, Дарьюшка? Ведь мне ехать домой-то нельзя: примут ли, нет ли отец-мать через год со днём, что бог даст,— чай смилуются, а теперь ехать к ним нельзя. Поедем в ваше село, к твоему отцу-матери, можно?"

-- Как не можно,— сказала Дарья, глядя Терентию прямо и смело в глаза...-- С богом поедём.

Прием со стороны тестя и тещи трудно себе представить: они сидели в избе своей на селе в глубокой горести, зная, что теперь делается в городе... Вдруг ко двору их подъезжает парная телега; они смотрят и не видят, видят и не верят -- какой-то парень, в сибирке, в шелковом поясе и в пуховой шляпе привез к несчастному, опозоренному двору стариков молодую женщину, и эта женщина -- их дочь!

Долго не могли опомниться старики, не могли сказать ни одного слова, хотя дочь их уже лежала у них в ногах, а парень после земного поклона стоял и кланялся и просил их благословения. Когда же старики опомни-

лись, то оба очутились в ногах у Терентия, который в отчаянии своем должен был прибегнуть к помощи сбежавшегося народа, чтобы силою поднять стариков и усадить в избе на лавку.

Родители Терентия года два не пускали его к себе на глаза, между тем как он принялся за соху и работал у тестя. И Дарья принялась за работу по-прежнему, и работа у нее из рук не валилась. Наконец отец его заболел и, считая себя при смерти, захотел помириться с сыном и с невесткой. За ними послали; и только что старики увидели Дарью и несколько с нею познакомились, как она полюбилась им и не захотели они более с нею расстаться. А Дарья, говорят, была такою примерною женою и дочерью, что и теперь, когда случай этот сохранился по одному только темному и давнишнему преданию, ее ставят в тех местах в пример всем женам и невестам.

Я позабыл сказать только одно: оглохшая и одуревшая старуха, знаменитая плакальщица, о которой я говорил, прибежала на тревогу в избу отца Дарьи, когда молодые к ним приехали. Не разобрав хорошенько, в чем де-

ло, но увидев толпу в сенях и в избе и слыша рев и плач, плач радости родителей Дарьи, она, по своему обычаю и призванию, принялась также навзрыд реветь и причитать, пробираясь локтями в избу. "Дура, старая дура, ошалела!" -- посыпалось на нее со всех сторон, и она, опять замолкнув, спросила простодушно: "А что, нешто не надо?"

КОММЕНТАРИИ

При составлении настоящего сборника принималось во внимание то, что современный читатель имел до сих пор очень ограниченное представление о прозе В. И. Даля. В XX веке вышло лишь два сборника его художественных произведений -- "Повести. Рассказы. Очерки. Сказки" (М.--Л., 1961; переиздано с некоторыми сокращениями: Горький, 1981) и "Повести и рассказы" (Уфа, 1981). Вполне естественно, что за рамками этих двух изданий остались многие произведения писателя, представляющие несомненный интерес.

Настоящий сборник является попыткой познакомить современного читателя с неко-

торами из них. Представленные здесь повести и рассказы в советское время не переиздавались.

Как правило, все свои художественные произведения Даль публиковал в журналах и альманахах. В то же время писатель составлял сборники своей прозы, а затем подготавливал и издание собрания сочинений. В 1833-1839 гг. вышло четыре книги сборника "Были и небылицы Казака Луганского". В 1846 г. напечатано собрание сочинений в четырех частях -- "Повести, сказки и рассказы Казака Луганского" (на шмуцтитуле указывалось: "Полное собрание сочинений русских авторов"). Появляются сборники "Солдатские досуги" (1843) и "Матросские досуги" (1853). В 1861 г. М. О. Вольф осуществил издание "Сочинений" В. И. Даля в 8-ми томах (с указанием: "Новое полное издание"). При жизни Даля это было последнее собрание его сочинений. Переиздано оно в 1883--1884 гг. "Товариществом М. О. Вольф". Наконец в 1897--1898 гг. то же издательство выпустило десятитомное "Полное собрание сочинений Вл. Даля (Казака Луганского)". 1-е посмертное полное издание, све-

ренное и вновь просмотренное по рукописям, как "Бесплатное ежемесячное приложение к журналу "Новь".

Для настоящего издания была осуществлена научная подготовка текстов. За основу принималось последнее прижизненное издание. Текст его сверялся с предшествующими публикациями, а когда это было возможно, с авторскими рукописями. В тексты вносились обоснованные исправления. Особенности поэтики Даля, его стремление воспроизводить с большой точностью в своих произведениях живую речь современников заставили при приведении текстов в соответствие с современными орфографическими нормами сохранять во многих случаях авторское написание, дающее представление о речевой атмосфере эпохи.

Сохранены все подстрочные примечания автора. Остальные пояснения и комментарии подготовлены впервые. Сборник открывается самым значительным из публикуемых сочинений -- повестью "Похождения Христиана Христиановича Виольдамура и его Аршета", далее произведения следуют в хронологиче-

ском порядке.

Рассказ был впервые опубликован в журнале "Русская беседа" (1857, т. II, кн. 6) в цикле "Картины русского быта" (автограф -- ОР ГБЛ, ф. 139, к. 5, ед. хр. 26, л. 1--6 об.). Перепечатывался в собраниях сочинений В. И. Даля в 1861 (т. I), 1883 (т. III), 1897 (т. V) гг.

Стр. 365. *Торговая казнь* -- публичное наказание кнутом, обычно на площади, где производилась торговля.

Стр. 367. *...не играй в беляндрай...*-- то есть не занимайся ерундой.

Стр. 370. *Путник* -- "род нар или помоста, прилавок в избе" ("Толковый словарь" В. И. Даля).

Стр. 376. *"Кошуйтесь, детки, кошуйтесь..."* -- Сам Даль объяснил это выражение следующим образом: "Так стращает и усовещает заплечный мастер зрителей своих. Слово означает то же, что казнь: убойся, устрашись примера; покайся, прими в науку, в острастку" ("Иллюстрация", 1845, т. 1, No 15, с. 239).

Кобыла -- здесь: доска, на которой наказывали кнутом преступника.